

A close-up, high-contrast photograph of a human eye. The eye is dark, almost black, with a single bright reflection on the pupil. The surrounding skin is dark and textured, with visible eyelashes and the curve of the eyelid. The overall mood is mysterious and intense.

ОКО БЕЗДНЫ

КАТРИН ФЕСАН

18+

Катрин Фесан

Око бездны

<https://litres.ru/74098164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты когда-нибудь просыпался от того, что кто-то смотрит на тебя?

Не сквозь окно. Не из угла.

Изнутри.

Из той части твоего мозга, которую ты заблокировал, чтобы не сойти с ума.

Они приходят не как монстры. Они приходят как воспоминания. Тихие. Смеющиеся. С чёрными дырами вместо глаз.

Их не вызвали. Их не создали.

Их просто впустили.

В ту ночь родились четверо. Трое — с глазами, в которых нет света. Четвёртый — с глазами, полными неба. Его назвали нормальным. Его отправили домой. Его заставили забыть...

Забывать, что он — не ошибка.

Он — ключ.

И когда он вспомнит — тишина станет громче крика. А тьма — роднее, чем свет.

Они уже рядом.

Чувствуешь?

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Катрин Фесан

Око бездны

Глава 1

ПРОЛОГ. День, когда пришли

В 3:47 утра по местному времени в родильном отделении городской больницы №14 пропало электричество. Не вырубило автоматы, не погас свет. Просто ушло. Пациентки в палатах открывали глаза и видели абсолютную тьму, в которой даже собственные руки становились невидимы. Аварийные генераторы не завелись. Резервные батареи не включились. Тьма была живой — она давила на барабанные перепонки и пахла озоном, как перед грозой, которой никогда не случится.

Санитарка Нина Петровна шла по коридору с телефоном-кнопкой в руке, который вдруг перестал показывать экран. Она на ощупь добралась до родильного бокса №3, где лежала Марго — молодая женщина, которую привезли час назад с преждевременными схватками. Нина отворила дверь и замерла.

В боксе горел свет.

Не электрический. Не люминесцентный. Свет исходил от

женщины. Точнее — от её живота. Кожа Марго стала полупрозрачной, и сквозь неё, сквозь мышцы и амниотическую жидкость, было видно дитя. Оно не шевелилось. Оно просто лежало, свернувшись калачиком, и его глаза... его глаза были полностью чёрными. Два овала абсолютного ничто.

— Что с тобой? — прошептала Нина.

Марго повернула голову. Её лицо было спокойным — слишком спокойным для женщины, которая должна рожать через пару часов. Без боли, без пота, без паники. Она улыбалась, и в этой улыбке было что-то чужое, будто кто-то за её спиной управлял мышцами её губ.

— Они уже здесь, — сказала Марго голосом, в котором слышалось эхо. Будто она говорила одновременно с собой и с кем-то, кто жил глубоко внутри. — Они ждали, когда человек научится видеть пустоту. Мы научились.

— Кто? — Нина попятилась к двери, но дверь захлопнулась сама. Без ветра. Без сквозняка. Просто захлопнулась, как челюсть.

Марго села на кровати. Её живот начал светиться ярче, и Нина увидела, что дитя внутри не переворачивается, не толкается — оно растворяется. Оно превращается в ту же тьму, что заполнила коридор. Чёрные зрачки расплывались, как капли в воде, заполняя всё тело ребёнка, превращая его в сгусток мрака, который пульсировал в такт сердцу матери.

— Мы пришли не за вами, — сказала Марго. — Мы пришли через вас. Вы — двери. Вы всегда были дверями. Про-

сто забыли.

Нина закричала. Крик разорвал тишину, но никто не прибежал. Потому что в остальных палатах творилось то же самое. Четыре женщины в эту ночь должны были родить. Четыре ребёнка должны были появиться на свет с криком и слезами. Но вместо крика родились тишина и смех.

Нина выбежала в коридор и врзалась в главврача. Тот стоял посреди тьмы, не двигаясь. Его глаза были открыты, и в них отражалось... ничего. Просто чёрные зеркала, в которых не было даже силуэта Нины.

— Что вы сделали с ними? — прохрипела она, тряся его за плечо.

Главврач медленно, с хрустом, как у старого робота, повернул голову. И когда он заговорил, его голос был детским. Тонким. Звенящим.

— Мы не делали. Мы просто попросили пустить нас. Ты ведь тоже пустишь.

Нина почувствовала, как что-то вошло в неё через затылок. Там, где позвоночник встречается с черепом, возник холод, который пополз вниз по спине. Она ощутила своё тело со стороны, будто вышла из него и теперь смотрела на себя сверху. Её руки поднялись сами, ноги поднялись над землёй, она левитировала в воздухе. Её пальцы потянулись к лицу, ко лбу, к глазам...

— Смотри, — прошептал голос изнутри. — Смотри на свет.

Она заглянула в свои собственные зрачки. И в тот же миг они стали чёрными.

Через сорок минут после этого к больнице подъехали три чёрных микроавтобуса без номеров. Из них вышли люди в строгих костюмах, без опознавательных знаков. Никакой формы, никаких шевронов. Только маленькие серебряные значки на лацканах — стилизованный ковчег, плывущий по волнам. Организация называлась просто: «Ковчег». О ней не писали в газетах, о ней не знали даже в МЧС. «Ковчег» появлялся там, где реальность давала трещину, и забирал с собой всё, что могло её уничтожить.

Оперативники «Ковчега» прошли по коридорам первого этажа, включив инфракрасные очки. То, что они увидели, не поддавалось логике.

Тела санитарок, врачей и пациенток парили вдоль стен. Идеальными рядами. Их глаза были закрыты, но под веками что-то шевелилось — быстрые, конвульсивные движения, будто там, внутри, кто-то смотрел по сторонам. У каждой был расслаблен рот, и оттуда доносился звук — белый шум и ультразвук, похожий на помехи старого телевизора. Пахло озоном и ещё чем-то сладким, приторным, как переспелые фрукты.

В родзале нашли Марго.

Она сидела на кровати, скрестив ноги, и держала на руках четырёх младенцев. Как она родила их всех за сорок минут

— никто не понял. Четверо детей лежали на её коленях и улыбались. Улыбались, не открывая глаз. Потому что глаз у них не было. Только чёрная гладкая кожа на месте глазниц, абсолютно плоская, без ресниц и век. Гладкая, как стекло. Белоснежные волосы и бледная кожа.

Один из оперативников, молодой парень по имени Родион, шагнул вперёд. Опустил прибор. Протянул руку, чтобы проверить пульс у одного из младенцев.

Младенец резко открыл глаза.

Чёрные.

Родион замер. Не упал, как тот спецназовец в другой версии этой истории. Он просто застыл, как статуя, и его лицо стало белым, будто вся кровь ушла в пятки. Он смотрел в эти чёрные глаза, и в них что-то двигалось — медленное, тягучее вращение звёзд, которых нет ни на одной карте неба.

— Родион, отойди! — крикнул старший группы, мужчина с седой щетиной по прозвищу Док.

Но Родион не слышал. Он открыл рот и заговорил. Не своим голосом. Тонким, детским, звенящим.

— Не трогайте их, — сказал он. — Они не ваши. Они наши.

Оперативники выхватили оружие — не автоматы, а какие-то странные устройства, похожие на старые камеры с широкими объективами. Док поднял руку, давая знак не стрелять.

— Младенец разговаривает через нашего человека, —

холодно констатировал он. — Записать. Классифицировать как «Феномен-Чёрные Зрачки». Первая фаза контакта.

Марго подняла голову. На её лице застыла блаженная улыбка.

— Начинается, — сказала она. — Первая волна. Ваш «Ковчег» не спасёт вас. Вы слишком маленькие, чтобы плыть по такой тьме.

Док шагнул к ней. В его руке блеснул шприц с мутной жидкостью. Он сделал быстрый укол в шею Марго — и она обмякла, потеряв сознание. Но младенцы продолжали сидеть на её коленях, и их чёрные глазницы смотрели сквозь Дока, сквозь стены, сквозь само время и стены.

— Забираем всех, — приказал Док. — И мать, и детей. Ничего не оставлять. Всё в изолятор.

— Даже тех, что в коридоре? — спросил один из оперативников, кивая на стоящие тела.

— Особенно их. — Док поправил очки. — Они больше не люди. Они — гнёзда.

Пока «Ковчег» вывозил тела и младенцев, сработал аварийный протокол. Через двадцать минут в больницу въехали машины городской службы с символикой «Газпром-безопасность». Это была легенда. Официальная версия для новостей: утечка газа, взрыв, полная ликвидация здания. Сапёры заложили заряды, и в 5:02 утра больница №14 перестала существовать. Взрывная волна выбила стёкла в радиусе трёх

километров, но это списали на техногенную катастрофу.

Однако у «Ковчега» были свои протоколы. Они не уничтожают аномалии — они их изучают. Четырёх детей увезли в подземный комплекс под Уральскими горами, в секретную лабораторию, где работали лучшие физики, биологи и лингвисты. Но уже через три дня все четверо младенцев открыли глаза. Глаза, которые были абсолютно нормальными. Светлыми. Человеческими.

Никаких признаков черноты. Никаких аномалий. Дети плакали, ели, спали — вели себя как обычные новорождённые. «Ковчег» провёл сотни тестов, но ничего не нашёл. Феномен исчез, как будто его и не было.

Спустя месяц лаборатория закрылась, а детей передали в приёмные семьи. Под строгим контролем, с обязательной ежемесячной проверкой. Им дали имена: Иван, Светлана, Николай и — четвёртый, о котором в документах «Ковчега» стоял гриф «особый контроль».

Четвёртого назвали Алексей.

Он был единственным, у кого глаза оставались голубыми, как небо, даже когда другие трое начали понемногу проявлять странности. Ивану в три года приснился сон, в котором он говорил на языке, которого не знал никто в лаборатории. Света рисовала чёрные круги на обоях, повторяя: «Они смотрят». Коля разговаривал с пустотой в углу комнаты.

Алексей просто рос. Ходил в садик, потом в школу. Никаких странностей. «Ковчег» снял с него наблюдение через

пять лет, посчитав «чистым» образцом. Ошибкой природы.

Но в семь лет Алексей начал видеть сны.

Сны, в которых трое детей с чёрными глазами стояли у его кровати и шептали:

— Ты забыл, кто ты. Мы придём, когда ты вспомнишь.

Он просыпался с криком, но родители успокаивали его: «Просто кошмары, сынок, просто кошмары». Они не знали, что в ту же ночь, в тех же снах, дети с чёрными глазами появились у кроваток Ивана, Светы и Николая.

И шептали им другое:

— Пора открывать двери.

Прошло двадцать лет. Алексей стал обычным IT-специалистом, снимает квартиру в спальном районе Москвы, ходит на работу, пьёт кофе по утрам. Он не помнит своего рождения. Не помнит лабораторий «Ковчега». Не помнит той ночи в больнице.

Но в последнюю неделю в его квартире начал гаснуть свет. Не выключателем, не пробками — просто уходил. Лампочки тускнели, экран ноутбука покрывался рябью, а по ночам из розеток доносился едва слышный белый шум, похожий на помехи старого телевизора.

А вчера, когда он возвращался с работы, на площадке между этажами он увидел три фигуры. Маленькие. Тихие. Они стояли спиной к нему, и их плечи чуть подрагивали, будто они беззвучно смеялись.

Алексей замер на полпути. Сердце заколотилось где-то в горле.

Он хотел позвать на помощь, но голос пропал. Только холод пополз по позвоночнику — тот самый холод, который он чувствовал в детских кошмарах.

Фигуры медленно, как одно целое, начали поворачиваться.

Он зажмурился. Сжал ключи в кармане до хруста в костяшках. Открыл глаза.

Никого.

Пустая лестничная клетка, тусклая лампочка под потолком, запах сырости. Только на полу, прямо у его ног, лежала маленькая монетка — старая, с потёртым гербом. И на ней была выцарапана буква «А».

Алексей поднял монетку, и в тот же миг в подъезде погас свет.

Полная, абсолютная тьма.

И из этой тьмы донёсся голос. Детский, тонкий, звенящий.

— Здравствуй, Алексей. Мы ждали.

Он не обернулся. Он знал: они ждут. Они всегда ждали.

Потому что Алексей — не просто человек. Он — четвёртый.

Четвёртый, который сбежал.

И они пришли забрать его обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.